

Илья Шумей

Кукольное личико

16+

Илья Александрович Шумей
Кукольное личико
Серия «Научные сказки
для взрослых детей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48788552

SelfPub; 2019

Аннотация

Когда красота – сила, оружие и власть, так сложно не поддаться соблазну и немного не сжульничать...

Кукольное личико

Густой, почти вязкий туман затопил улицы, заперев свет фонарей в бледных коконах светящихся ореолов и погрузив город в плотный влажный сумрак. Любой звук быстро тонул в молочно-белом киселе, превращаясь в едва слышные шорохи. И даже доносящийся с крыш топот множества ног, обутых в подкованные полицейские ботинки, нырял в текущие меж домов белесые реки лишь затем, чтобы уже через мгновение почти бесследно в них раствориться.

Свистки, крики, дребезжащий лязг кровельного железа, миг тишины, пока бегущий человек перелетает через узкий переулочек, а затем звон бьющейся и сыплющейся вниз черепицы, и снова крики и топот ног – звуки погони металась от улицы к улице, а следом за ней с некоторым отставанием эхом неслись стук распахиваемых окон и негодующая ругань разбуженных горожан.

Несмотря на все старания стражей закона, их отставание неуклонно нарастало. Преследуемый ими беглец прекрасно знал окрестные крыши, что позволяло ему мчаться во весь опор, практически не глядя под ноги и не отвлекаясь на выбор оптимального маршрута. Он очевидно направлялся к припортовым кварталам, где темнота, наполненная вонью отбросов и множеством кроющихся по подворотням теней, способна надежно укрыть от полиции любого злоумышленника. Еще немного – и он нырнет в спасительную темень

трущоб, где его след будет безвозвратно потерян.

Оценив ситуацию, возглавлявший погоню юный сержант остановился и выхватил из кобуры пистолет. Он навел оружие на кромку крыши впереди, ясно очерченной желтыми отсветами портовых огней. Второго шанса уже не представится – он сможет сделать только один выстрел. Молодой человек задержал дыхание, мечтая о том, чтобы хоть на секунду остановить еще и скачущее в груди сердце.

На темном гребне мелькнула юркая тень, и сержант нажал на спуск...

Вспыхнувший на конце полицейского жезла голубоватый огонь выхватил из темноты вход в узкий переулок, извивающийся промеж замшелых кирпичных стен. Бледные отблески заплясали на мокрой брусчатке и начищенных серебряных пуговицах полицейской формы.

– Думаете, он свалился сюда? – рядом с сержантом блеснули другие, медные пуговицы, и подошедший полисмен также поднял вверх свой светящийся жезл, однако от этого мрак в глубине улочки сгустился лишь сильнее.

– Вариантов не так много, – выставив жезл перед собой, сержант медленно двинулся вперед, – он или упал где-то здесь, или убежал в портовые трущобы. Осталось лишь выяснить, кому сегодня повезло – ему или нам.

– Но заговоренные пули не ведают промаха, разве нет?

– Только если наш попрыгун сам не находился под защит-

ным заклЯтием, – сержант остановился, подняв свой жезл над головой, – но нет. В этот раз удача оказалась на нашей стороне!

Прямо перед ними на мостовой ничком лежало распротертое тело в обтягивающем черном комбинезоне. Из-под его головы, лавируя меж камней, струился темный ручеек крови. Еще одна лужица растекалась вокруг простреленной ноги.

– Ух ты! Не каждый день удается поймать Дитя Теней! – восхищенно ахнул полисмен, после чего вынул из кармана сигнальный свисток и дал два коротких сигнала, извещая остальных членов их патрульного отряда о том, что у них с сержантом все в порядке.

– Вообще-то мы его не поймали, а убили, – вздохнул сержант, – а от мертвеца толку не так-то много. Так что на премию можешь не рассчитывать. Стяни-ка с него капюшон, посмотрим, кто это.

Присев около трупа, полисмен осторожно, чтобы не испачкаться в крови, стянул с его головы плотный черный мешок с прорезями для глаз. Сержант подступил ближе, осветив окровавленное лицо покойника.

– Никогда раньше его не видел, – хмыкнул полисмен, – но он явно из хорошей семьи. Из Аккуратных или даже из Чистых. И почему они постоянно ввязываются в темные дела? Жажда приключений покоя не дает? Самоутвердиться немется?

– В любом случае, он нам этого уже не расскажет. Давай хоть посмотрим, что у него за груз. Может какая-то ясность и появится.

Вдвоем они стянули с мертвеца такой же черный рюкзак и положили его рядом на землю. Прежде чем взяться за завязки, сержант провел над ним своим жезлом, внимательно следя за светом на его конце. В какой-то миг огонек слегка замерцал, но тут же вновь успокоился.

– Какое-то колдовство несомненно присутствует, но неопасное, – он развязал узел и перевернул рюкзак, вытрясая на землю его содержимое.

По камням раскатились баночки с краской, сопровождаемые завернутым в тряпку пучком кисточек, и в заключение к ногам полицейских упал продолговатый и увесистый деревянный ящичек.

– Он что, художник!? – недоуменно воскликнул полисмен.

– Нормальные художники ночью от полиции по крышам не бегают, – резонно заметил сержант и придвинул к себе найденный футляр.

Он изучил замок, который оказался не самым сложным, и достал из поясной сумки набор отмычек. Борьба с запором заняла не более минуты, послышался сухой щелчок, и крышка распахнулась.

Огни на полицейских жезлах дружно вздрогнули и затрепетали, словно свечи под внезапным порывом ветра. Содер-

жимое ящика определенно не желало, чтобы его увидели.

– Ничего себе! – присвистнул полисмен.

– Да уж! – согласился сержант, – коробочка-то защитная оказалась. Иначе сигнальные маяки еще за квартал нашего беглеца почуяли бы. Ну, давай, соберись!

Они сдвинули жезлы ближе и поднесли к открытому футляру, преодолевая почти физическое сопротивление таящейся в его глубине магии. Задуваемые ею огоньки уже еле теплились, но все же сумели на секунду осветить спрятанный в нем груз.

– Бр-р-р! Жуть какая! – полисмен отступил назад, тяжело дыша и утирая пот со лба. Свечение его жезла постепенно приходило в норму, но все еще подрагивало от близости такого сильного магического артефакта.

– Согласен, приятно мало, – согласился сержант, с явным облегчением захлопнув крышку и обернувшись на приближающийся топот ног.

Из тумана вынырнул еще один запыхавшийся патрульный.

– Там... это... полковник Кассоди, – сбивчиво доложил он, – желает получить разъяснения.

– Хорошо, – сержант подхватил футляр и поднялся на ноги, засовывая жезл за пояс, – думаю, ему тоже следует на это взглянуть. А вы тут пока оформляйте все как положено.

Полковник стоял рядом с шипящим и вздыхающим слу-

жебным экипажем, выпускавшим тонкие струйки пара, и всем своим видом демонстрировал раздраженное нетерпение. Что и неудивительно – почти наверняка гнев разбуженных шумом погони горожан и его самого посреди ночи выдернул из теплой постели.

– Сержант Войкок, Заречный Округ, – подойдя ближе, молодой человек отдал честь и вытянулся по стойке «смирно».

Прежде чем ответить, полковник демонстративно окинул сержанта придирчивым взглядом, чтобы тот понял всю глубину пропасти, разделяющей его, растрепанного и взъерошенного после беготни по крышам, в покрытых уличной грязью ботинках и форме, перемазанной в штукатурке и птичьим помете, и вышестоящего офицера, принадлежащего к касте Чистых. Стройный и элегантный, с тускло поблескивающими золотыми пуговицами на кителе, Кассоди прекрасно оттенял вполне заурядную внешность сержанта, навсегда застрявшего на уровне Аккуратных, неказистый внешний вид которого только лишней раз подтверждал верность их расстановки в общественной иерархии.

Словно сжалившись, полковник взмахнул рукой, и щелчок его тонких пальцев вмиг стряхнул грязь и паутину с формы Войкока, выправив стрелки на его брюках и поправив воротник.

– Что за свистопляску вы тут устроили? Из-за вас полгорода на ушах стоит!

– Мы преследовали Дитя Теней, – отрапортовал сержант, – тайного гонца, доставляющего послания...

– Я знаю, не маленький уже, – отмахнулся полковник, – поймали?

– Он направлялся в припортовые трущобы, и мне пришлось его подстрелить.

– То есть живым вам его взять не удалось?

– Увы, нет.

– Прискорбно, – к царившему на гладко выбритом лице Кассоди ленивому раздражению добавилась нотка недовольства, – ну и какое послание он нес?

– Он должен был доставить посылку, – сержант продемонстрировал найденный в рюкзаке контейнер.

– Вы его открывали? Что внутри?

– Я полагаю, что это – *язволов*.

– Вот как? – полковник резко выпрямился, расслабленное выражение мгновенно слетело с его лица, сменившись на заинтересованную сосредоточенность. Он шагнул назад, к экипажу, и распахнул черную лакированную дверь, – залезайте!

Они уселись вдвоем на широкий и мягкий кожаный диван, положив ящик на такой же диван напротив. Теперь, при свете ярких огней, плавающих под потолком, сержант смог рассмотреть свою находку как следует.

Первое, что бросалось в глаза – весьма почтенный возраст футляра. Потемневшее дерево, покрытая зеленой патиной медь и потрескавшаяся кожа – признаки старины, одна-

ко, не могли скрыть тот факт, что сам ящик был сработан исключительно добротно и крепко. Seriously потратиться на такую, вполне утилитарную вещь могли себе позволить только весьма обеспеченные люди, что заметно сужало круг возможных адресатов данной посылки.

– Хватит уже на него тарашиться, сержант, открывайте!

– Содержимое защищено весьма сильной укрывной пеленой, – предупредил Войкок, подтягивая футляр к себе.

– Надо полагать, – хмыкнул полковник, – ничего, разберемся. Открывайте!

Густая мутная завеса словно дожидалась, когда ее выпустят на свободу, и немедленно заволокла почти весь салон, не позволяя ничего толком разглядеть даже на расстоянии вытянутой руки. Огоньки под потолком потускнели и лихорадочно заметались, мельтеша по стенам чересполосицей размытых теней.

– Ай-ай-ай, как нехорошо! – послышался звон стеклянных пузырьков, которые перебирал полковник, доставший из-под сиденья свой походный арсенал, – А как тебе такое?

Он несколько раз качнул резиновую грушу и окатил распахнутый ящик мелкой водяной пылью, распыленной из выбранного флакона. Заполнявшая экипаж мгла немедленно съежилась и исчезла, будто ее и не бывало. Что ни говори, а Кассоди не зря щеголял золотыми пуговицами, он прекрасно знал свое дело.

Снедаемый нетерпением сержант подался вперед, рас-

смаatrивая открывшееся их взорам содержимое футляра.

– Вот уж действительно, – заключил он чуть погодя, – та еще мерзость!

Внутри ящика, в окружении мягкой подкладки из тонкого шелка лежала большая кукла в красивом и явно недешевом платье.

Но отнюдь не богато украшенный вышивкой и блестками наряд привлекал к себе главное внимание.

Любой брошенный на куклу взгляд неотрывно впивался в ее фарфоровое личико, искаженное жуткой гримасой уродства.

Сморщенная левая щека обнажала кривые желтоватые зубы, словно скалящиеся в зловещей ухмылке. Растянутый ею рот почти доставал до уха, сползшего ему навстречу. А зажатый меж ними глаз и вовсе тарачился куда-то в пол, так и норвя вывалиться из оголившейся глазницы.

Сильней всего поражала невероятная детализация кукольного лица. Были прорисованы мельчайшие детали, вплоть до отдельных волосков бровей, мелких морщинок в уголках глаз и крохотных родинок. И чем дольше Войкок всматривался в уродливый фарфоровый лик, тем сильнее ему казалось, что он вот-вот оживет и заговорит...

– У Вас есть какие-нибудь соображения насчет возможного адресата? – сержант даже вздрогнул, когда Кассоди его окликнул.

– Что? Эм-м-м, нет, ни единого, – он помотал головой,

пытаясь избавиться от наваждения, – это Кривая Чума, да?
– Она, родимая! И кто-то из зараженных сумел прокрасться в самый высший эшелон, если судить по качеству изготовления и отделки. Одно только платье чего стоит!

Войкок снова склонился над футляром. Несмотря на испытываемое отвращение, его снова и снова странным образом тянуло к кошмарной кукле.

– Есть какие-то намеки? – в руку сержанта легло толстое увеличительное стекло в латунной оправе, – смотрите внимательно, вдруг что-то да найдете.

Он взял в руку лупу, которая так и норовила выскользнуть из вспотевшей ладони, и навел ее на изувеченное лицо. Где-то на краю его сознания забрезжило смутное подозрение. Движимый тревожным предчувствием, сержант заслонил ладонью искаженную часть кукольной головы, пристально всматриваясь в ее нетронутый уродством правый глаз. Подозрение плавно переросло в пугающую догадку.

– Ну?

– Это слишком безумно, чтобы быть правдой! – Войкок, тяжело дыша, откинулся на мягкую спинку дивана и вернул лупу полковнику.

– Что Вы увидели? – в голосе Кассоди зазвенела сталь.

– Всего лишь ее взгляд... но ведь... кукла – не улика!? Нельзя же по фарфоровому кукольному личику пытаться опознать реального... человека!?

– Это уже не вам решать, юноша, – отрезал полковник, –

говорите!

– Ее глаза... они удивительно напоминают мне Герцогиню Карсидскую! – выпалил сержант и весь обмяк, – но это же невозможно!

– Вы полагаете? – Кассоди, сам взяв в руки увеличительное стекло, придвинул футляр к себе, – любопытно... определенное сходство несомненно присутствует... похвальная наблюдательность, молодой человек!

– Ничего удивительного, – проворчал Войкок, забившись в угол и недовольно сложив руки на груди, – если бы и Вам Герцогиня являлась во снах почти каждую ночь...

На востоке уже забрезжила бледная полоска рассвета, когда экипаж полковника, шипя и лязгая, остановился у ворот особняка Герцогини. Кассоди захлопнул деревянный футляр и оглянулся на сержанта.

– Что-то Вы бледно выглядите, юноша. Вы сегодня не выспались? Вам нездоровится?

– У меня в голове не укладывается! – тот прижал ладони к вискам, пытаясь удержать свой мозг от неминуемого взрыва, – как такое вообще возможно!? Герцогиня – образец красоты, достоинства и благородства! Подобный обман для нее просто немыслим! Зачем!?

– Жизнь порой устроена куда сложнее, чем нам кажется, мой юный друг, – Кассоди распахнул перед ним дверь, – пошли, внесем в наши дела некоторую ясность.

– Но как!?! – сержант испуганно уставился на высокий забор, ограждавший обитель того, кто принадлежал к касте Совершенных, от окружающего грешного мира, – таким, как мы, сюда вход заказан!

– Расслабьтесь, сержант, – полковник поправил зажатый подмышкой футляр и достал из кармана поблескивающий жетон, – для таких случаев у меня имеется Абсолютный Ордер. И я очень надеюсь, что сегодня я потрачу его не напрасно.

Сержант зашагал следом, невольно припоминая все свои прежние прегрешения. Уж коли кто-то из Совершенных разгневается на него, то материала для анафемы наберется более, чем достаточно. Только подноси. Хорошо еще, если все обойдется низложением в Смиренные без права на апелляцию.

– Ну что? – палец полковника застыл над кнопкой звонка, – заглянем?

– Вот черт!

Кассоди опустил жетон в открывшееся отверстие, и спустя пару минут послышался щелчок отворившегося замка. Тяжелые чугунные ворота, украшенные витиеватой кованой листвой, под глухой перестук шестерен неспешно поползли в сторону. Полковник приказал прибывшим с ними полисменам ждать его сигнала, и они вдвоем с сержантом зашагали по усыпанной гравием дорожке к роскошному особняку, ярко освещенному парящими в воздухе фонарями.

– А что, если мы ошиблись? – не унимался Войкок, – что если все наши подозрения – ошибочны!?

– В таком случае... – протянул полковник, – знаете, сержант, в чем между нами разница?

– В чем?

– Ежели Ваша догадка верна, то я получу вполне заслуженную премию и даже могу претендовать на перевод в касту Прекрасных, ну а если мы ошиблись, то Вам грозит строгий выговор, – Кассоди оглянулся на своего поникшего спутника, – но я все же верю, что Вы были правы, молодой человек, и беспокоиться Вам совершенно не о чем.

На крыльце их встречал невозмутимый седовласый дворецкий, чья работа как раз заключалась в том, чтобы делать вид, словно ничего необычного не случилось, пусть даже небо упало на землю, и наступил конец света. Он распахнул перед прибывшими широкие входные двери и пригласил следовать за собой. Пройдя через центральную анфиладу, Кассоди и Войкок оказались в главном зале, который выглядел куда просторней, чем весь полицейский участок Заречного Округа, и где уже ярко горели свечи, несмотря на то, что известие о прибытии неожиданных гостей поступило лишь минуту назад.

– Думаю, Вам лучше помалкивать, молодой человек, – негромко буркнул Кассоди одним уголком рта, сняв фуражку и машинально провел рукой по своим идеально уложенным иссиня-черным волосам, – в таких местах изъясняют-

ся на немного других языках, и Ваш праведный гнев может оказаться крайне некстати.

– Я все понял, – кивнул сержант, до глубины души потрясенный увиденным величием.

Еще никогда ранее ему не доводилось заглядывать в тот круг мироздания, где обитают Совершенные. Запоздало спохватившись, он тоже сдернул с головы фуражку и торопливо пригладил топорщащиеся кудри. Его охватил самый настоящий мандраж, как в преддверии первого свидания или перед экзаменом в Училище. Ему пришлось изо всех сил стискивать фуражку одной рукой и поясной ремень другой только для того, чтобы скрыть дрожь. Так высоко он еще никогда не забирался.

Переступив порог еще одной двери по правую руку, двое полицейских вошли в роскошную приемную, полную красного дерева, позолоты и дорогой кожи. Герцогиня встречала их, сидя в большом кресле, непринужденно расслабленная и спокойная, как и всегда. Недовольный излом ее тонких черных бровей, опустившихся к переносице, любому гостю ясно давали понять, что его визит создает ей массу неудобств, но Ее Светлость готова терпеть любые издержки, пока они служат улучшению жизни простых горожан.

Сержант вдруг почувствовал, что задыхается. Передним предстала та, что долгие годы являлась смыслом его жизни, целью его вожделений, объектом его преклонения и предметом его жарких юношеских сексуальных фантазий.

Дорогое темно-синее платье, облегающее идеальную фигуру, тонкий, едва заметный макияж на идеально чистом лице, словно сделанном из тончайшего фарфора, легкая надменность в повороте головы, способная свести с ума кого угодно – герцогиня очень хорошо знала, как обращаться с противоположным полом.

– Добрый вечер, половник Кассоди, – приветливо кивнула она, всколыхнув водопад роскошных волос цвета пламенеющего заката, ниспадавших на обнаженные плечи, – чему обязана столь поздним визитом?

– Покорнейше прошу прощения за беспокойство, – полковник аж пополам переломился, стремясь продемонстрировать свое почтение. Сержант склонился следом, почти уткнувшись головой в паркетный пол, – но у нас имеется пара вопросов к Вашей Светлости.

– Я Вас слушаю, – ну как!? Как возможно одним-единственным словом дать понять, что малейшая оплошность будет стоить жизни тому безрассудному смельчаку, что осмелился нарушить Ее покой!?

– Этой ночью мы перехватили преступника, доставлявшего опасный груз, – Кассоди прошел вперед и водрузил на стол перед собой темный деревянный футляр, – Вам известно, что это такое?

– Не имею ни малейшего понятия, – ни единый мускул не дрогнул на лице Герцогини, и Войкок постепенно начал сомневаться в верности своей догадки.

– Мы называем эту штуку «Язволон», – продолжил объяснять полковник, – магическая кукла, берущая на себя все пороки и изъяны живого человека.

Он откинул крышку футляра, демонстрируя герцогине жуткое содержимое ящика, но женщина оставалась по-прежнему невозмутимой.

– При помощи запретного ведьмовства любые изъяны, любые дефекты могут быть навсегда заточены в этой копии, оставив облик заказчика идеальным и свободным от любого несовершенства. Очищенный таким образом человек может претендовать на высшие посты в системе государственного управления, подняться на самую почетную ступень в социальной иерархии.

– Зачем Вы все это мне рассказываете? – недовольно наммурилась Герцогиня, и сержанту захотелось провалиться сквозь землю от неловкости и стыда, – меня не интересуют потуги Отверженных, пытающихся обойти закон и избежать депортации.

– Речь не о них, Ваша Светлость, – продолжал упорствовать полковник, – а о Вас. Соответствующий искус проник в самые высшие сферы властных структур, и от него никто не застрахован!

– Ваши подозрения, господин Кассоди, нелепы и оскорбительны! – Герцогиня горделиво вздернула подбородок, и под ее гневным взглядом Войкок почувствовал, как запылились его щеки, – я завтра же доложу министру о Ваших возмути-

тельных и неприемлемых измышлениях!

– Разумеется, Ваша Светлость! – Кассоди предпринял тщетную попытку склониться ниже пышного ковра, – если мои подозрения ошибочны и лживы, то я готов понести всю тяжесть ответственности за свою дерзость! И Вы, я полагаю, не будете возражать, если я уничтожу предмет, вызвавший мои нелепые подозрения?

Полковник извлек уродливую куклу из тесного футляра и, брезгливо морщась, бросил ее перед собой на пол.

– Еще раз прошу прощения, что отнял Ваше драгоценное время и позволил себе столь абсурдные инсинуации, – его сапог завис над бледно-розовым фарфоровым личиком.

– Нет! Подождите! – внезапно побледнев, Герцогиня вскочила с кресла и метнулась вперед, умоляюще протягивая руки к валяющейся на ковре маленькой страхолюдине в шелковом платье.

– Вы желаете что-то сказать? – в голосе полковника не осталось ни капли подобострастия, что, подобно патоке, пропитывало его еще секунду назад. Теперь он звучал предельно холодно и жестко.

– Давайте не будем совершать необдуманных и опрометчивых поступков, – женщина, еще секунду назад излучавшая спокойствие и невозмутимость, теперь балансировала на грани паники.

Внутри у Войкока все оборвалось и полетело куда-то в преисподнюю. Идеальный образ той, что всегда выступала

для него как образец уверенности и самообладания, внезапно дал трещину и начал рассыпаться болезненными кровото-чащими осколками. Воплощенный идеал внезапно оказался обычным человеком со своими слабостями и темными стра-ницами прошлого. Его самая сокровенная мечта обернулась банальным и вульгарным обманом.

– Имя!!! Адрес!!! – рывкнул Кассоди, окончательно от-бросив ненужную более корректность и вежливость.

– Я не понимаю, о чем Вы говорите! – в сложившихся обстоятельствах попытка Герцогини изобразить невинную овечку выглядела откровенно жалко.

– Как скажете, – нога полковника опустилась на голову уродливой куклы.

– Не-е-е-т!!! – пронзительно закричала Герцогиня, бро-сившись вперед и распластавшись на ковре перед ним, – прошу Вас!!! Умоляю!!!

– Имя! Адрес! – сухо повторил Кассоди.

– Четский переулок, – торопливо заговорила женщи-на, – у самой набережной... там на домах и номеров-то нет... прошу Вас, отдайте ее мне! Никто ничего не узнает!

– Вы предлагаете мне стать соучастников Вашего обмана? Вашего преступления? – теперь пришел черед полковника играть роль оскорбленной добродетели, – предать все то, че-му я служил долгие годы!?

– Поверьте, я умею быть... *благодарной!* – отчаяв-шись добиться сострадания от Кассоди, Герцогиня обратила

взгляд своих испуганных, но по-прежнему бездонных и манящих глаз на его юного спутника, – у меня есть связи, влияние, вы даже не представляете, сколь многое я могу вам...
дать.

Перед Войкоком все поплыло, подернувшись розовым туманом. Герцогиня славилась своими колдовскими талантами, позволявшими ей ловко крутить неосторожно приблизившимися мужчинами. Она чуть изогнулась, и взор сержанта сам собой устремился к соблазнительно оттопырившемуся вырезу ее платья.

– Быть может... – он нервно сглотнул, – нам не следует принимать скоропалительных решений, полковник? Мы могли бы...

– Довольно! – оборвал его лепет Кассоди, – закон един для всех, Ваша Светлость... *бывшая* Светлость.

Он резко опустил ногу, и жалобный хруст фарфора слился с пронзительным визгом Герцогини, схватившейся за лицо, которое начло корчиться и плавиться, точно брошенная в огонь восковая маска. Защитные чары спали, и уродства, доселе запертые в личике куклы, начали возвращаться к прежней владелице.

Ее еще недавно точеные и чистые черты словно скрючило от страшной боли. Рот осклабился в безумной ухмылке, обнажив кривые грязно-желтые зубы, левый глаз начал выпучиваться все сильнее и сильнее...

Войкок не выдержал и сам упал на колени, давясь присту-

ПОМ ТОШНОТЫ...

– Но почему!?! – сержант молчал всю обратную дорогу до ожидавшего их экипажа, и только забравшись внутрь и без сил плюхнувшись на сиденье, дал волю своим эмоциям, – почему Вы поступили с Герцогиней так жестоко!?

Перед глазами Войкока неотвязно стояла рвущая его душу в клочья картина – Герцогиня, стоящая на коленях посреди зала в окружении опавших с ее головы некогда роскошных медно-бронзовых волос и раскачивающаяся из стороны в сторону в такт своим рыданиям, которые больше напоминали завывания смертельно раненого зверя. Он сомневался, что когда-нибудь сможет стереть из памяти ее залитое слезами жуткое изуродованное лицо, и сколько бы он ни затыкал уши, в них продолжал звенеть ее полный боли и ужаса вопль.

– Еще немного, и Вы, сержант, набросились бы на меня с кулаками в попытке защитить предмет своих воздыханий, – Кассоди покрутил кольцо на рукояти своего жезла, и тот полыхнул яркой зеленой вспышкой, – пришлось действовать быстро.

– Но я... я бы никогда... – опешил Войкок.

– Не спорьте, юноша. Я знаю, о чем говорю – чары Вождения действуют невероятно быстро, и человек даже не успевает сообразить, что с ним происходит. Сталкивался уже... – полковник потрянул головой, отгоняя неприятные воспоминания.

нения.

– Но она же рассказала все, что Вы хотели узнать! – не унимался разгорячившийся сержант, – почему нельзя было решить вопрос как-нибудь помягче?

– Сотрудничество может облегчить наказание, но не отменяет вины, – нравоучительно заметил полковник, – я отмечу в рапорте ее желание помочь следствию, но все дальнейшее исключительно в руках Комиссии Чистоты. Не исключаю, что и в их конторе теперь чьи-то головы полетят. Как получилось, что инспекторы на протяжении многих лет упорно не замечали, что Герцогиня практически не стареет? Им уже давно следовало заподозрить неладное.

– Разве Язволлов способен дать человеку бессмертие!?

– Нет, конечно, но он может достаточно долго скрывать признаки надвигающейся старости. Если его регулярно подновлять, – Кассоди покосился на сержанта, – иначе зачем, по-Вашему, молодой человек, ведьма сегодня гоняла к Герцогине своего тайного посыльного.

– Так вот для чего требовались кисточки и краски, которые мы нашли в его рюкзаке! – осенило Войкока.

– Именно так. Чтобы перенести на кукольное личико все вновь появившиеся морщинки и пятнышки, – полковник вздохнул, – обычно такую личную куклу делают еще в младенческом возрасте, чтобы исправить врожденные дефекты, и после уже не трогают, храня в надежном месте. Человек может так никогда и не узнать, что у него где-то есть свой

Язволлов. Герцогиню же погубило ее безмерное тщеславие, ей хотелось оставаться юной и совершенной вечно.

– Что ее теперь ждет?

– Лишение всех титулов, перевод в касту Отверженных и депортация в Пустоши. Если Комиссия сжалится, то все будет проделано тихо и без лишней публичности. Но это вряд ли, она же шла на преступление осознанно! Поэтому ее вполне могут еще и по улицам в позорной клетке прокатить. В назидание прочим, так сказать.

– Для нее такое унижение, пожалуй, похлеще смерти будет.

– Нисколько не сомневаюсь.

В этот момент жезл полковника выпалил короткую очередь ярких зеленых вспышек, сообщая, что все его приказанья доведены до исполнителей.

– Отлично! Тогда мы тоже отправляемся! Дорога каждая секунда! – Кассоди отдал команду машинисту, и экипаж, скрипя и лязгая, все быстрее загрохотал по мостовой.

– Почему такая спешка?

– Исчезновение посыльного может вспугнуть ведьму. И все, пиши пропало!

– Но соваться в тот район прямо вот так, с голыми руками? – лоб Войкока прорезала недоуменная складка, – можно обратно живыми и не выбраться!

– Именно поэтому я сначала дождался отправки подкрепления – штурмовой группы, усиленной парой боевых анти-

магов, – полковник рассмеялся и хлопнул его по плечу, – не дрейфь, прорвемся! Такую добычу упускать никак нельзя! Вызванный мною отряд уже выдвинулся в припортовые кварталы, надо бы и нам поспешить.

Сержант задумчиво уставился в окно, за которым проплывали размытые туманом контуры домов и деревьев. Еще недавно ему казалось, что ничего рискованней погони по мокрым и скользким крышам уже и быть не может, но теперь начал сомневаться.

Добропорядочные люди избегали даже приближаться к припортовым районам, населенным по большей части Прощенными. Те пусть и не были так уродливы, как несчастные, кого поразила Кривая Чума, но и особо приятной внешностью не отличались, балансируя на самой грани приемлемого. Им *прощали* их неказистый внешний вид и снисходительно позволяли жить в пределах границ Города, но этим все их права, собственно говоря, и исчерпывались. Любой Прощенный, пойманный за пределами своего квартала вполне мог быть низведен в Отверженные и депортирован в Пустоши. Зато внутри своего мира они являлись полноценными хозяевами, и любого забредшего к ним чужака, особенно из высшей касты, здесь могли ожидать крайне неприятные сюрпризы.

Полиция практически никогда не заглядывала в эти районы кроме совсем уж чрезвычайных ситуаций, и сегодня, похоже, выдался как раз такой случай.

– Почему поимка ведьмы настолько важна? – Войкок снова обернулся к полковнику, – разве один-единственный инцидент с запретным ведьмовством стоит того, чтобы проводить подобную полномасштабную штурмовую операцию?

– А с чего Вы взяли, молодой человек, что наш случай – единственный? В ее логове вполне могут найтись и другие язволы, что позволит нам одним махом найти и обезвредить целый отряд глубоко законспирированных диверсантов, разъедающих основы нашей государственной системы! – Кассоди вскинул брови, глядя на остолбеневшего сержанта, – Вы что, всерьез полагали, что мы гоняемся за какими-то мелкими жуликами!?

– Но... угрожать всему государству... каким образом!?

– О нет, не волнуйтесь, вражеского заговора тут искать не стоит. Дело в том, что такого рода жульничество разрушает продуманную и стройную систему каст, лежащую в основе всей государственной машины. Она же не на пустом месте появилась, ее создание обусловлено исключительно рациональными соображениями, нацеленными на обеспечение максимальной стабильности вертикали власти.

Бросив быстрый взгляд на Войкока, полковник понял, что тут требуются дополнительные разъяснения.

– Надеюсь, вы в курсе, юноша, что душа человека, его разум и его тело в совокупности образуют единое целое?

– Ну, это любому с самого детства известно.

– Тогда мне сложно понять то недоумение, что я читаю

на Вашем лице, – Кассоди недовольно поморщился, и в его мимолетной гримасе успело промелькнуть и раздражение, и усталость, и даже толика презрения, – мы же назначаем на важные государственные посты людей, принадлежащих к высшим кастам, не только потому, что нам нравится лицезреть их прекрасные лики на официальных мероприятиях, но и в силу того, что совершенная внешность является отражением высокого интеллекта и чуткой, отзывчивой души. А игры с язволками позволяют просочиться во власть тем, кто ее недостоин, кто неспособен вынести такую тяжкую ношу, кто к ней попросту не готов. Ведь Кривая Чума поражает не только тело...

– Но Герцогиня Карсидская – не слабоумная! – воскликнул Войкок, продолжавший упорно сопротивляться очевидным фактам.

– Ее деятельность и принимавшиеся ею решения на занимаемом посту теперь будут подвергнуты тщательному анализу и пересмотру. Так или иначе, но внешние дефекты неизбежно налагают отпечаток и на образ мыслей, и на логику поступков, и на моральные ориентиры человека. Пусть даже его уродства до поры надежно заперты в спрятанной где-то кукле, – полковник выглянул в окно, – отлично, мы на месте!

Первое, что бросилось Войкоку в глаза... точнее в нос – густая вонь нечистот, пропитавшая весь квартал. Подобная аура любого нормального человека отвредила бы еще за вер-

сту, но служба в полиции предполагала исполнение приказов без оглядки на сопутствующий дискомфорт. Туман, еще некоторое время колыхавшийся в нерешительности, наконец определился и посыпался вниз мелкой моросью.

В бледном свете зачинавшегося утра проступили темные контуры приземистых домов, прячущихся от окружающего неприглядного мира и друг от друга за высокими глухими заборами. Чуть дальше в переулке стоял фургон, на котором прибыла вызванная полковником штурмовая группа. Командовавший ею офицер подбежал к остановившемуся экипажу и кратко доложил:

– Мы тут уже слегка осмотрелись. Наш адрес – следующий, по левой стороне.

– Задние выходы перекрыли?

– Сей момент!

Офицер помахал своим подчиненным, и несколько полицейских потрусили в проулок между заборами. Войлок даже вздрогнул от неожиданности, когда на улицу с воплем вылетел вспугнутый ими облезлый кот – нервы сержанта были напряжены до предела. Никогда ранее он не забирался настолько далеко в припортовые кварталы, и еще ни разу ему не доводилось принимать непосредственное участие в операции по поимке сильной и умелой ведьмы.

– Все на позициях? Отлично! – Кассоди перехватил жезл в левую руку, а в правой зажал свой табельный пистолет, – в случае неподчинения – стрелять на поражение. Антимаги,

вперед!

Из тени фургона выступили два закованных в броню бойца и направились к воротам указанного дома. На их доспехах, грузно бряцавших на каждом шаге, тускло поблескивали защитные клейма армейских мастерских. Остановившись у закрытой калитки, один из них достал свой жезл, который в сравнении со стандартным полицейским инструментом смотрелся как артиллерийское орудие рядом с игрушечным детским ружьишком.

Толстый, массивный, сплетенный из нескольких различных прутьев, он вспыхнул лиловым огнем, осветившим все на пару метров вокруг. Дождевые капли вспыхивали в его ярком свете точно маленькие бриллианты. Антимаг провел жезлом из стороны в сторону, изучая ворота и присматриваясь к вспышкам огня на его конце.

– Балка над калиткой, – заключил он и отступил в сторону.

Его напарник выхватил тяжелый боевой багор и с размаху всадил его в на первый взгляд ничем не примечательное бревно, нависавшее над входом. В стороны с треском полетели яркие искры, но боец даже не обратил на них внимания. Резким рывком он сбросил вспыхнувшее полено на землю и оттащил в сторону, где его коллега быстро залил огонь из закрепленного на спине бака. На всякий случай он распылил струю еще и на саму калитку, осветив бледное кружево, выщущееся по верхней кромке забора.

– Еще и Дымчатый Плющ! – полковник ткнул Войкока локтем в бок – без такой группы поддержки мы бы отсюда точно живыми не выбрались.

– Так, здесь чисто, – небрежным движением плеча антимаг снес калитку с петель и оба упакованных в доспехи бойца зашли во двор. Все остальные, настороженно озираясь по сторонам, последовали за ними.

– Коврик перед дверью, – обозначил очередную угрозу шедший впереди антимаг, и его напарник тут же выволок уже задымившийся клочок циновки на траву. Любой, кто бы неосмотрительно на него наступил, гарантировано поджарил бы себе пятки.

– Ну все, заходим! – скомандовал Кассоди, и ударный авангард с грохотом ворвался в дом.

Послышались крики, шум, треск ломаемой мебели, лязг посыпавшихся на пол кастрюль... и все стихло.

– Чисто! – послышался чуть погодя голос одного из штурмовиков.

– Вот так-то! – заключил полковник, не скрывая своего облегчения. Что ни говори, а вваливаться без спроса домой к опытной ведьме всегда рискованно, – пойдём, глянем, что да как. И отзовите патруль с заднего двора. К счастью, сегодня обошлось.

Войкок только сейчас сообразил, сколь многих возможных неприятностей они сегодня избежали, благодаря слаженным действиям всего отряда. Можно было вляпаться в

какую-нибудь магическую ловушку, столкнуться с местными боевиками, покровительствующими ведьме, да и сама она вполне могла улизнуть, почувяв их приближение. Но сегодня все сложилось как нельзя лучше, и грамотное руководство операцией со стороны Кассоди являлось главной тому причиной. Полковник действительно имел немалый опыт подобных рейдов и знал свое дело чертовски хорошо!

Внутри их встретила панорама небольшого, но живописного погрома, который учинили два антимага, гонявшиеся по комнате за колдуньей. Опрокинутые стулья перемежались раскатившейся по полу посудой и предметами магического ремесла. Полыхавший в камине жаркий огонь освещал образовавшийся беспорядок, оставляя на стенах зловещие багровые отсветы. На потолке, в окружении покачивавшихся оберегов и пучков сушащихся трав, что свисали со стропил, еще дымилась свежая проплешина, оставленная срикешетившим заклинанием.

В данный момент оба бойца стояли возле дальней стены, крепко держа ведьму за руки и ожидая дальнейших распоряжений. Вопреки ожиданиям сержанта, они сегодня поймали не сморщенную старуху с крючковатым носом и всклокоченными седыми волосами, а вполне обычную на первый взгляд женщину лет пятидесяти, внешний вид которой вполне соответствовал уровню Аккуратных или даже Чистых. Ее пестрое платье с надетым поверх белым передником никак не вязалось с ее родом занятий, предполагавшим варку зе-

льев из лягушек и исполнением жутких кровавых ритуалов. Складывалось впечатление, что ее застукали за выпеканием пирожков для любимых внучат. И только темные глаза, гневно сверкавшие из-под выбившейся пряди черных волос, составляли все по своим местам. Простые люди при виде закованных в броню спецназовцев как правило выглядят растерянными и испуганными и уж всяко не пытаются оказывать им сопротивление.

– Посадите ее, – Кассоди сунул пистолет обратно в кобуру, поднял валявшийся на полу табурет и поставил его к столу, – и следите за руками, не давайте ей даже пошевелиться.

Антимаги перепоручили ведьму двум полисменам, которые усадили ее на табурет, крепко держа за плечи и положив ее ладони на столешницу.

– Так-так, что тут у нас? – полковник подошел к ярко пылающему камину и заглянул в огонь. От его промокшей под дождем формы начал подниматься пар, – улики уничтожаем, да?

– Мне что, даже старые кости погреть нельзя? – отозвалась ведьма сухим смешком, – ночка-то сегодня выдалась ненастная.

– Исключительно подходящая погода для темных делишек, не так ли?

– Я не занимаюсь ничем противозаконным!

– Правда? – Кассоди приподнял бровь. Происходящее его откровенно забавляло. Сегодня был его день, он поймал ку-

раж и сбавлять обороты явно не собирался, – давай-ка взглянем.

Он достал из кармана небольшой чехол, в котором обнаружили очки с толстыми зеленоватыми стеклами. Нацепив их, полковник осмотрелся вокруг, освещая своим мерцающим жезлом многочисленные потемневшие от времени шкафы, за пыльными стеклами которых виднелись полки, заставленные банками, ящичками, статуэтками, амулетами и прочими замысловатыми магическими атрибутами.

– Ух ты! – восхищенно воскликнул он, – сколько здесь всего интересного!

– Все строго в рамках лицензии, – по-прежнему невозмутимо парировала женщина, дунув на свои волосы, чтобы отбросить их с лица.

– Это мы еще посмотрим, – Кассоди обернулся к стоявшему рядом с ним антимагу, – давай-ка ты. Мой для такого слабоват.

Боец поднял свой тяжелый жезл, что-то покрутил в его рукояти, и комнату залил ярко-лиловый свет, заигравший голубыми и зеленоватыми бликами на всех предметах, в которых содержалась хоть малая капля магии. Войкоку даже пришлось прикрыть глаза рукой – столь яркими оказались некоторые вспышки.

– Ничего примечательного, – заключил антимаг.

– Неудивительно. То, что мы ищем, вряд ли будет лежать на поверхности, – отрицательный результат, казалось, ни-

чуть не озадачил полковника, – надо копнуть поглубже – тайные ниши в стенах, спрятанный подпол или еще что-нибудь в таком роде. Давай, пройдишь еще разок по углам.

Антимаг коротко качнул задраенным шлемом в знак согласия и медленно двинулся вдоль стены, обшаривая своим жезлом промежутки между шкафами и приседая, чтобы заглянуть под них. Все затаили дыхание, и сгустившуюся тишину нарушали только жалобный скрип половиц под тяжелыми ботинками бойца и негромкое потрескивание лилового огня, распускаявшего по комнате пляшущие темные тени. Войкок таранился на специалиста во все глаза – ему впервые в жизни представилась возможность наблюдать за реальной работой боевого антимага.

– Кажется, здесь что-то есть, – жезл замер, и пламя на его конце затрепетало, точно на ветру, – под умывальником.

– Ну вот, я же говорил! – Кассоди торжествующе хлопнул в ладоши, – оттащите-ка его в сторонку.

Два антимага ухватились за резную дубовую тумбочку и отодвинули ее от стены. Один из них подцепил багром край ковра и откинул его, открыв взорам небольшой, едва заметный квадратный люк, который выдавало только вызванное воздействием жезла бледное зеленоватое свечение по краям.

– Ну надо же, какой сюрприз! – полковник снял очки и обернулся к ведьме, которая продолжала сидеть с абсолютно невозмутимым видом, – что у Вас там? Соления на зиму?

– Слазай, да посмотри, – казалось, что ведьму сейчас ку-

да больше занимает сражение с непослушной прядью волос, постоянно спадавшей ей на глаза.

– Как скажете.

Кассоди знаком велел всем остальным отойти подальше, и антимаги подступили к люку. Один вооружился своим верным багром, а другой взял наизготовку распылитель. Под разошедшей дощатой крышкой их могло ожидать что угодно, начиная от снаряженной армейской мины и заканчивая магическим капканом, вполне способным без следа засосать в себя всех непрошенных гостей. Бойцы присели на корточки и опустили защитные забрала с узкими прорезями для глаз. Старший несколько раз качнул насос распыскивателя и дал отмашку. Его напарник подцепил багром край люка и дернул...

Вырвавшаяся из распылителя струя немного сбила напор мрака, но все равно, в глазах у всех потемнело изрядно.

– Ведьму, ведьму крепче держите! – донесся из серой мглы крик полковника, – не давайте ей даже пальцем пошевелить, а то наплетет чего-нибудь, ищи ее потом!

Яростные ругательства пленницы, раздавшиеся в ответ, только подтвердили его правоту.

– Гранату!

Антимаг сдернул с пояса небольшой баллон и, дернув за клапан, бросил его в темнеющие недра подпола. Послышался негромкий хлопок, и из люка вылетел фонтан дыма и искр, словно погреб был под завязку набит отсыревшими

фейерверками. На полках ближайших шкафов задымилась амулеты и связки сушеных трав. В глазах даже защипало от заполнившей комнату едкой гари.

– Вот так-то лучше! – дым немного рассеялся, и Кассоди рискнул осторожно заглянуть внутрь, – экие у Вас огурцы беспокойные!

– Снимаю шляпу, полковник! – усмехнулась ведьма, – вот уж не думала, что Вам удастся зайти настолько далеко.

– Это я только разминался. Самое интересное еще впереди!

– Тем не менее, я предлагаю Вам не торопиться, сделать небольшую паузу и спокойно обсудить возможные варианты выхода из сложившейся ситуации.

– Что?! – Кассоди презрительно сморщился, – Вы предлагаете сделку?! Мне?! Ай-яй-яй! Я был о Вас лучшего мнения.

Он демонстративно отвернулся, давая понять, что тема закрыта. Встряхнув свой жезл, полковник снова запалил голубой огонек, и опустил его в подпол, осматривая его внутренности.

– Эй, сержант! – окликнул он, – Вы тут у нас самый стройный, кроме Вас никто другой в люк не протиснется. Помогите-ка.

Войкок не сразу сообразил, что речь идет о его персоне. Встрепенувшись, он подошел к Кассоди, сидевшему на корточках возле откинутой крышки.

– Смотрите, сержант, – полковник посветил своим жезлом в темноту, – видите вон тот ящик?

– Ага.

– Надо бы его вытащить. Справитесь?

– Возможно, но...

– Не беспокойтесь! Если там и имелись какие-то защитные чары, то нейтрализующая граната полностью их выжгла, – Кассоди положил руку парню на плечо, – Вы же сегодня – герой дня! Не разочаровывайте коллег...! А Вашу форму я потом отряхну.

В подобных обстоятельствах выбора у Войкока не оставалось. Он опустил на четвереньки и начал осторожно протискиваться в люк, стараясь не касаться досок, обильно покрытых плесенью и облепленных клочьями свалывшейся пыли. Кассоди подсвечивал ему своим жезлом, так что сундук был прекрасно виден, и, протянув руку, сержант ухватился за его ручку.

– Есть! Уже тащу... – спустя несколько секунд Войкок, дернув его пару раз, понял, что из такого положения он не сможет самостоятельно выволочь наверх ящик, оказавшийся довольно тяжелым, – э-э-э... Вы мне не поможете?

Кассоди ухватил его за ремень брюк, и совместными усилиями они все же сумели извлечь на свет увесистый окованный железом короб. Войкок поднялся на ноги, смахивая с козырька фуражки лохмотья налипшей паутины, в которой болтались запутавшиеся дохлые мухи. Мельком на

него оглянувшись, полковник нетерпеливо щелкнул пальцами, избавив сержанта от лишних хлопот. Сейчас его внимание всецело занимал загадочный ящик.

Тяжелый, основательный, окованный уже успевшими заржаветь железными полосами и запертый на крепкий висячий замок – сундук всем своим видом буквально излучал надежность и добротность. Уж если и доверять кому-то секреты, то только такому вот верному хранителю.

– Думаю, коли я зашел настолько далеко, то пытаться остановить меня сейчас глупо, да? – Кассоди оглянулся на неподвижную и молчаливую ведьму, – ну-ка, подсоби!

Вопреки ожиданиям Войкока, антимаг не стал тратить время на упражнения с отмычками. Вместо этого он резко взмахнул своим багром, и замок, жалобно дребезжа, отлетел в дальний угол комнаты. Боец поддел крышку ящика и распахнул его.

Ничего жуткого не вырвалось наружу, никакой магической ловушки внутри не оказалось, но, тем не менее, взгляд упорно отказывался видеть содержимое ящика, которое словно подернулось туманной пеленой, скрывавшей его от посторонних взглядов.

Тугая струя из распылителя быстро рассеяла сумрачный морок, открыв взорам внутренности сундука.

– Ну вот, – констатировал Кассоди, сдернув с головы фуражку и утирая выступивший на лбу пот, – а вы боялись.

Судя по облегченному вздоху, он и сам до самого конца

не был уверен в верности своих догадок. Однако найденный в подполе ящик всецело оправдал его ставку. Теперь было впору сверлить дырочки под новые регалии.

Внутри вытасченного Войкоком сундука обнаружались точно такие же куклы, переложенные слоями шелковой ткани. Какие-то лежали просто так, другие были упакованы в дорогие лакированные футляры. Большие, богато украшенные и одетые, либо скромные, в ладонь размером, но единственное, что их объединяло – разнообразные уродства, коверкавшие их тела и лики.

Сморщенные личики, скрюченные конечности – все мыслимые последствия Кривой Чумы словно собрались здесь в качестве наглядного пособия, и у Войкока волосы зашевелились на затылке при одной только мысли, что носители всех этих уродств свободно разгуливают промеж нормальных людей, порой даже руководя и помыкая ими.

– Я хочу знать только одно, – полковник подцепил жезлом первую попавшуюся куклу без левой ноги и левого глаза и поднес ее к самому носу ведьмы, – имена!

– Помилуйте, начальник! – воскликнула та, недоуменно вскинув брови, – знать такие вещи мне нет никакой надобности. Люди приходят и уходят, а как их звать – мне без разницы.

– Не хотите – не надо, – Касоди равнодушно пожал плечами, – они и сами во всем сознаются.

Взмахнув рукой, он отправил искалеченную куклу в пы-

лающие недра камина.

Войкока аж всего передернуло. Перед его мысленным взором как живая встала картина мучений того несчастного, кому эта кукла принадлежала. Каково это – ничего не подозревая и ни о чем не догадываясь, вдруг узреть, как одна из твоих ног вдруг сморщивается, превращаясь в сухой безжизненный стручок, ощутить, как вываливается глаз, а твое лицо облезает фальшивой маской? Что чувствует человек, внезапно обнаруживший, что его высокий статус – ни что иное, как банальный обман, и его настоящее место – в Пустошах, среди Отверженных? Он же мог пребывать в абсолютном неведении относительно своих пороков, его родители вполне могли ничего ему не говорить!

– Полковник! – ведьма недовольно поморщилась, – на пару слов, а?

– Я же уже говорил, – парировал Кассоди, – я не иду на сделки с преступниками!

Он подцепил следующую, откровенно недорогую деревянную куклу и поднес к огню. Ее неказистый бумажный костюмчик задымился, пустив огоньки по тонким кружевам.

– Назовите мне имена, и их разоблачение будет тихим и непубличным. Ну?

– Некоторые из язволовов принадлежат весьма высокопоставленным и влиятельным особам. Вы отдаете себе отчет, какой сокрушительный эффект может повлечь их разоблачение?

– Сохранять их обман в тайне еще опасней!

– А вдруг среди них окажется кто-то Ваших знакомых или Ваших близких? – женщина прищурилась, – Вас и это не остановит?

– Разумеется, нет! Закон един для всех, если Вы запомнили! – вторая кукла отправилась в жаркое пламя камина, – так что насчет остальных...?

Кассоди вдруг поперхнулся, неуклюже взмахнул руками и рухнул на колени. Свалившаяся с его головы фуражка, опирав по полу кривую дугу, остановилась у ног ведьмы. Из рта полковника вырвался сдавленный хрип. Он обернулся на огонь, где разметавшаяся тлеющими лохмотьями курточка обнажила маленькие иссушенные кукольные ручонки. Ужасная догадка вспыхнула в его мозгу.

– Нет! – испуганно прошептал полковник, – Нет!!!

– А я Вас предупреждала, – равнодушно хмыкнула ведьма.

– Это невозможно! – крикнул Кассоди, застыв глядя на то, как скрючиваются его пальцы, постепенно превращаясь в сморщенные серые клешни, – я родился и вырос в нормальной семье!

– Кривая Чума ни для кого не делает исключений, полковник. И мне ли Вам рассказывать, на какие преступления порой идут *нормальные* семьи, дабы надежно спрятать свои темные секреты.

– Мои отец с матерью – порядочные и честные люди и

никогда бы не опустили до подобного! Они не смогли бы лгать мне всю жизнь!

– Ах, родители... они всегда одинаковы и пойдут на что угодно, лишь бы защитить свое любимое дитяtko от ужасов депортации в Пустоши, открыть перед ним дорогу к лучшей жизни.

Кассоди застонал точь-в-точь как недавно разоблаченная им Герцогиня Карсидская и повалился вперед, уткнувшись лбом в темный дощатый пол. Он почувствовал, как его немощных запястий коснулся холод наручников.

– Вы уж не обессудьте, – слышался над его ухом негромкий извиняющийся голос Войкока, – но закон един для всех, полковник... *бывший* полковник.

(Иллюстрация на обложке – Илья Шумей)